

Субботние встречи

У этой «Субботней встречи» была такая предыстория. Я позвонил нескольким знакомым с одним и тем же вопросом: кого из композиторов ты выбрал бы для очередной «Субботней встречи»? И все, словно сговорясь, ответили: «Раймонд Паулс!».

Итак, Рига, Раймонд Паулс, народный артист Латвийской ССР, лауреат многих конкурсов, автор популярнейших песен и мюзиклов, блестящий эстрадный пианист.

— Как музыка стала вашей профессией? — С этого вопроса и началась наша беседа.

Раймонд ПАУЛС:

«МУЗЫКУ НАДО БЕРЕЧЬ»

— Я не любил музыку. Педагоги же считали меня талантливым мальчиком. Но я не хотел учиться. Меня больше занимала радиотехника, электроника. Сейчас, оглядываясь назад, я иногда думаю, что был бы более счастливым, если бы моя жизнь протекала вне мира музыкантов, певцов, поэтов. Я в этом мире живу уже четверть века и до сих пор чувствую в нем себя не вполне уютно.

Мой отец — стеколов, мать тоже простая женщина. Но они по случаю купили для меня старенькое пианино и заставили учиться в музыкальной школе-десятилетке, поступить в консерваторию.

В детстве самым большим наслаждением было ударить от гамм и этюдов во двор, на улицу. В юношестве я с таким же удовольствием сбегал от классической прелюдии к ритмам на танцах. «Клавирш рояля после ваших рук пахнут танцплощадкой», — злился мой педагог в консерватории.

Моей потребностью стали именно ритмичные популярные песенки, танцевальные мелодии, и так далее.

— Почему вас называют создателем латвийской эстрадной музыки? Вы ведь сравнительно молоды, неужели музыкальная эстрада Латвии моложе вас?

— До войны в Латвии были

маленькие ансамбли со сладко-меланхолическим репертуаром, да и то позаимствованным. А нам хотелось писать такую музыку, чтобы ее можно было петь на родном латвийском языке. В шестидесятых годах мы сделали первую программу, состоящую целиком из собственных произведений. С большими опасениями вышли мы на сцену: примут нас или нет? Ушли мы со сцены победителями. С тех пор у нас были и взлеты, и падения, но мы уверенно шли своим путем, зная, что у нас в Латвии есть свой слушатель, своя публика.

— Но сейчас вы признаны во всесоюзном масштабе. Музыка, хотя, по-моему, и гораздо интернациональнее, чем, скажем, стихи или проза, все-таки тоже не так-то просто расширяет свои границы?

— Здесь большую роль сыграла моя встреча с известной певицей; она взяла несколько моих вещей в свой репертуар и донесла их до широкого слушателя. Песня, в оригинале записанная на латвийском языке, пропущенная через талант Пугачевой, с помощью Центрального радио и телевидения, начала вторую жизнь среди миллионов слушателей. Из Москвы она пошла уже и на мировую эстраду. Так было с песнями «Маэстро», «Старинные часы», «Возвращение», «Мил-

лион роз». И вообще каждый раз моей музыке сопутствовал талант исполнителя песни и поэта.

А первой песней, после которой обо мне стали говорить, была «Листья желтые». Сначала она существовала на латвийском, потом поэт написал русский текст, далекий и от оригинала, и вообще от того, что я бы хотел, но так или иначе, песня пошла.

— Ваше имя часто называют вместе с именами Аллы Пугачевой, поэта Ильи Резника. Можно ли говорить о том, что существует некий творческий триумвират?

— Был такой период, когда мы написали вместе несколько удавшихся песен. Но Пугачева живет в Москве, Резник — в Ленинграде, я — в Риге. Как, например, родилась песня «Маэстро»? Мелодия была записана на магнитофонной ленте вместе с другой песенкой, которую хотел послушать Резник. Я отдал ему кассету, он завез ее в Москву, прослушал вместе с Пугачевой, написал текст. Они переделывали его несколько раз, прежде чем окончательно встали на место известные слова.

Сейчас мы вместе не работаем. Потому что нельзя одно и то же варьировать и повторять. Надо искать новое, другие подходы, иную манеру. На эстраде невозможно удержать

ся со старым грузом, каким бы большим ни был прошлый успех.

— Не потому ли эстрада более, чем любой другой вид искусства, подвержена изменчивости моды?

— Да, действительно, эстрадная музыка находится в слишком жесткой зависимости от моды. На что чаще всего «клюет» публика? На популярную песенку. Иногда на песенку без содержания. Возьмите итальянские шлягеры. Даже понимающие язык найдут там не очень богатый смысл, но правде говоря, ерунда там, а не содержание, но все поют и танцуют. Привлекает мелодия и мода.

«Диско» — это, конечно, мода, однако в отличие от моды в одежде она распространяется в эфире со скоростью света. Вот и сейчас молодежь в восторге от так называемой «новой волны». На самом деле, ничего там нового нет, просто эстрада, устав от всех этих вокально-инструментальных ансамблей, обращается к стилю пятидесятых годов. Глупые тексты, мелодии какие-то дурацкие, и все это идет под лозунгом «новая волна».

Мода — вещь далеко не всегда разумная. Но она возникает и существует реально, и поэтому с ней приходится считаться. Мы же часто моду встречаем в штыки. Это, дескать, нам не надо. И как потом выясняется, идем тем же путем, только с опозданием. Вспомните, как начиналось с «диско», сколько мы кричали «зачем нам это нужно», а кончилось тем, что даже уважаемые дирижеры были вынуждены «махать» диско-песенки на потребу «диско-публике».

Не замечать моду нельзя. Но это не значит, что мы должны немедленно во всем подхватывать западную эстраду. Посмотрите, что там делается! Итальянцы, французы, немцы, греки — все поют по-английски, вся легкая музыка переходит на американский лад. Даже в Японии нельзя выйти на эстраду, если ты не поешь по-английски.

— Что же можно этому противопоставить?

— А зачем моде что-то противопоставлять? Надо ее наполнять добротным содержанием — вот, по-моему, разумный подход к делу. Мода — это форма, оболочка, тот или иной ритм, а суть, по крайней мере

легкой музыки, в мелодии и в стихах. Я знаю немало примеров, когда всем давно известная народная тема, будучи профессионально обработанной для эстрады, становилась «гвоздем» многих сезонов. Так было с русскими, молдавскими, узбекскими народными мотивами, так было у нас в Латвии; песенка из кинофильма «Огни рампы», завоевавшая весь мир, была подслушана Чарли Чаплиным в городской толпе.

Мы же зачастую делаем только новые консервные упаковки и сочиняем новые этикетки. То есть меняем ритмы, совершенствуем аранжировку, и так далее. А сути нет.

— Вы за высокий профессионализм во всем. А как он, на ваш взгляд, проявляет себя на эстраде?

— Я могу назвать пяток имен ведущих певцов нашей эстрады, за ними идет многая масса обычных и безликих исполнителей, вокально-инструментальных ансамблей, уныло похожих один на другой. Все «ищут нового», оригинального и походят в этом поиске друг на друга.

Это заметно не только мне. Я читаю множество писем и знаю, что думает молодежь о наших эстрадных делах. «Что вы нам подсовываете, — пишут они, — разве мы не умеем отличить настоящую легкую музыку от потуг на нее?» Возьмите наши дискотеки. Ведь они держатся, в основном, на американском репертуаре. Ныне самый популярный «музыкант» у определенной части молодежи — диско-жюкей. Это человек, который только вставляет кассеты в магнитофон и более или менее связно излагает то, что случайно успел прочитать про какой-нибудь заморский ансамбль. «Маги», пластинки, дискотеки теснят, заменяют живую игру, пытаются подменить подлинную музыкальную культуру. Посмотрите, что в нашей школе происходит, — даже в Латвии с ее великолепными песенными традициями детей на хоровое пение надо силой сгонять!

Беда, конечно, не в природе электроники, а в том, что мы еще не научились вполне разумно использовать ее глобальные возможности. Музыку надо беречь!

Беседу вел Э. ЭЛЬЯШЕВ.
(Наш спец. корр.)

РИГА.